

ЭТИКА БИЗНЕСА

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-361-370

ЭТИКА БИЗНЕСА КАК ЭТИКА ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

А.В. Разин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Москва, Россия, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский»

В статье показывается, что подход, связанный с этикой добродетелей, предполагает рассмотрение качеств совершающего деятельность субъекта, говорит о совершенстве личности с позиций ее телеологической структуры, т.е. говорит о совершенстве человека с точки зрения общих представлений о его назначении, совершенства, выполняемых им общественных функций, единства блага общества и личности. Перспективы применения этого подхода были существенно ограничены в результате влияния христианской традиции, в которой собственно нравственные качества и иные способности личности, связанные с навыками и предрасположенностями к совершению различных видов социальной деятельности, были в значительной степени разделены. В то же время в античной этике, в философии Д. Юма, Д.С. Милля такого жесткого разделения не проводилось. Для прикладной этики имеет значение как раз такое широкое понимание добродетели.

Ключевые слова: личность, мораль, бизнес, добродетель, деонтология, утилитаризм, кодексы, закон, эмоции, интеллект

В прикладной этике используется в основном два теоретических подхода к морали: утилитарный и абсолютистский. В меньшей степени находит выражение подход, связанный с традициями этики добродетелей, хотя в последнее время такие попытки имеются. Так, например, Томас Ветстон отмечает: «Для правильного баланса теоретик нуждается в том, чтобы добавить этику добродетелей как равноправный компонент к деонтологическим теориям, которые фокусируются на обязательствах и теологическим, которые уделяют основное внимание последствиям действий» [11. С. 102; 10. С. 10].

Обычно профессиональная и корпоративная этика рассматриваются в парадигме подчинения поведения некоторому стандарту, выполнения правил, зафиксированных в кодексах, в том числе в кодексах деловой этики. В кодексах содержатся некоторые формализованные разделы, в которых отражаются обязанности перед обществом в целом (аргументация необходимости данной профессии или бизнес-активности), обязанности перед работодателем, обязанности перед коллегами по профессии, отношения с другими организациями, региональные обязанности перед обществом (социальное развитие). Многие организации отдельно формулируют программу социального развития. В последнем случае речь идет о специальных направлениях активности бизнес-организаций. Но в любом случае

основу кодифицирования составляет ориентация на некоторый стандарт. Ориентация на стандарт традиционно связывается с деонтологическим подходом в морали, и это как бы снижает значение подхода развиваемого в этике добродетелей.

Утилитарный подход преимущественно проявляет себя в бизнес-этике, корпоративной этике, при организации гуманитарных экспертиз, принятии политических решений, т.е. там, где имеет место выстраивание ценностных приоритетов, обсуждаются средства достижения целей, качество осуществляемой деятельности оценивается в смысле ее общественной полезности. Часто утилитарный подход связывается с пошаговыми процедурами решения, причем он не противопоставляется моральному абсолютизму как нечто совершенно противоположное, так как многие шаги отражают необходимость подумать о нарушении фундаментальных моральных требований, о судьбах вовлеченных в бизнес решения людей и т.д.

Подход, связанный с этикой добродетелей, предполагает рассмотрение качеств совершающего деятельность субъекта, говорит о совершенстве личности с позиций ее телеологической структуры, т.е. говорит о совершенстве человека с точки зрения общих представлений о его назначении, совершенства, выполняемых им общественных функций, единства блага общества и личности. Данный подход находит отражение в некоторых кодексах, формулирующих требования совершенства к личности, например в Международном кодексе бизнес коммуникаторов.

Оценивая возможности этого подхода, следует сказать, что его перспективы были существенно ограничены в результате влияния христианской традиции, в которой собственно нравственные качества и иные способности личности, связанные с навыками и предрасположенностями к совершению различных видов социальной деятельности, были в значительной степени разделены. В то же время в античной этике, в философии Юма, Милля такого жесткого разделения не проводилось.

Для прикладной этики имеет значение как раз такое широкое понимание добродетели, в котором в качестве нравственной задачи прежде всего выделяется признак совершенства в исполнении своего дела (осуществлении общественной функции), достижения стандартов профессионализма.

Исследуя проблему современной морали, А.А. Гусейнов отмечает, что ее спецификой стало расширение нравственно нейтральной зоны, стремление к освобождению от мировоззренческих обоснований и, во многом, — от комплекса, связанного с развитой мотивацией, поиском индивидуальных решений. Вместо этого получает развитие институциональная этика, т.е. этика правил, разрабатываемых для тех или иных социальных систем. «Каждая из... социальных практик оказывается тем эффективнее, чем менее она зависит от личных связей и, что особенно кажется парадоксальным, от индивидуальной моральной мотивации» [3. С. 119]. Это не означает, что мораль как таковая теряет свое значение. Просто развитие институциональной этики приводит к тому, что роль присутствующих в морали и ранее компонент заметно меняется. «Этика добродетелей, связанная по преимуществу с мотивами поведения, сохраняет важное (быть может, даже возрастающее

значение) в области личных отношений и во всех ситуациях, имеющих ярко выраженный личностный, индивидуализированный характер, т.е. говоря обобщенно, в зонах личностного присутствия. В системном (общественно-функциональном, профессионально-жестком) поведении она дополняется институциональной этикой» [3. С. 123].

Можно согласиться с тем, что отмеченные изменения связаны с изменением доли выделяемых А.А. Гусейновым моральных компонент. Расширение значимости публичной жизни общества и усложнение самого характера публичных связей несомненно приводит к необходимости кодификации морали и созданию специальных институтов, следящих за исполнением кодексов в формальном смысле.

Однако я не думаю, что сфера нравственно нейтрального в современном обществе расширяется.

Например, даже в экономике, сфере, традиционно рассматриваемой в качестве далекой от морали, сфере, где господствует стремление к утверждению честного интереса (именно так рассматривал экономические отношения Адам Смит), мораль современного общества все более и более завоевывает свои позиции.

Конечно в условиях традиционного капитализма XIX в. мораль во многом теряла свои позиции. Это очень хорошо показано В. Зомбартом, который отмечает следующую историческую тенденцию: «В те времена, когда дельные и верные долгу деловые люди восхваляли молодому поколению прилежание как высшую добродетель имеющего успех предпринимателя, они должны были стараться как бы вбить в инстинктивную жизнь своих учеников твердый фундамент обязанностей, должны были пытаться вызывать у каждого в отдельности путем увещания личное направление воли. И если увещание приносило плоды, то прилежный деловой человек и отрабатывал путем сильного самообуздания свой урок. Современный экономический человек доходит до своего неистовства совершенно иными путями: он втягивается в водоворот хозяйственных сил и уносится им. Он не культивирует более добродетель, а находится под влиянием принуждения. Темп дела определяет собою его собственный темп» [6. С. 142]. Следовательно, задача совершенствования человека в смысле культивирования так называемых мещанских добродетелей перестала быть актуальной. Его «добродетельность» стала задаваться темпом производства, а не его субъективными волевыми усилиями.

Однако для современного общества такая оценка не подходит. Сейчас труд человека в производстве все более и более становится творческим, а творческий труд плохо поддается внешнему контролю, его ритм не задается внешними факторами системной организации производства, по крайней мере, не задается столь жестко, как этими факторами может быть задан конкретный труд, связанный с выполнением отдельных производственных операций.

В своем исследовании, посвященном вопросам доверия, Ф. Фукуяма показал, что крупные корпорации исторически возникли именно в обществах с высоким уровнем доверия, т.е. в США, Японии и Германии. Позднее к ним присоединилась Южная Корея, где крупные корпорации во многом возникли за счет вмешательства государства в экономику, но также были связаны с особенностями

национального самосознания. Однако не только развитие крупных корпораций, в которых доверие людей, проявляющее себя в производственных связях между отдельными звеньями, приводит к снижению издержек на юридическое оформление договорных отношений, но и развитие отвечающих информационному обществу сетевых структур, также основано на доверии. «Не случайно, что именно американцы, с их склонностью к общественному поведению, первыми пришли к созданию современной корпорации в конце XIX — начале XX века, а японцы — к созданию сетевой организации в XX веке» [9. С. 55]. Как же в таком случае можно отрицать роль морали в экономике?

Многочисленные профессиональные и корпоративные кодексы не устраняют индивидуальной мотивации. Если бы это было так, человек действовал просто бы как моральный автомат. Многие нормы корпоративной этики сформулированы в виде положительных и рекомендательных требований. Но тогда их реализация обязательно требует активности личности.

Возьмем, например, следующую группу норм кодекса PR-деятельности, сформулированного Артуром Пейджем: «Выполнять свой долг специалиста в области паблик рилейшинз так, будто от этого зависит благополучие всей вашей компании. Корпоративные отношения являются управленческой функцией. Никакую корпоративную стратегию нельзя реализовать, не приняв во внимание ее возможное воздействие на общественность. Профессионал в области паблик рилейшинз является творцом политики компании, умеющим выполнять широкий спектр действий, касающихся корпоративных коммуникаций» [8. С. 204].

Понятно, что сформулированные в таком виде нормы требуют профессионализма, а профессионализм не может быть достигнут без субъективной мотивации, без добродетели, которая как раз и показывает путь человека к некоторому стандарту совершенства.

В публичной сфере мы постоянно сталкиваемся с ситуациями, когда человек отвечает не только за то, что он не сделал что-то плохое, нравственно осуждаемое, но и за то, что он не выполнил то, что предусмотрено его профессиональными обязанностями. Поэтому требование профессиональной компетенции, служебного соответствия становятся важнейшими требованиями публичной морали.

Таким образом, развитие институциональной этики не ограничивает необходимости существования и не сужает сферу этики добродетелей. На мой взгляд, сама этика добродетелей проникает внутрь институциональной морали. Их взаимодействие осуществляется по принципу взаимодополнительности, а не взаимоисключения. Думаю, что значение этики добродетелей в современном обществе расширяется именно в связи с возрастанием многообразия нравственных отношений, распространением их на такие взаимоотношения людей, которые ранее считались нравственно нейтральными. Это заставляет многих современных исследователей (например, А. Макинтаира) говорить о необходимости возрождения этики добродетелей.

В бизнес-коммуникациях принципиальное значение приобретают такие личные качества, как умение работать с другими людьми, умение понимать их осо-

бенности и даже эмоциональные состояния момента. Это оказывается важным как для отношений со своими коллегами, так и для коммуникаций между профессионалами, принадлежащими к разным организациям.

Исследуя вопрос о проявлении эмоциональных способностей человека в бизнес-коммуникациях, Д. Гоулмен, ссылаясь на П. Друкера, отмечает: «В конце XX века треть американской рабочей силы составили обработчики знаний, то есть люди, чья деятельность заключается в повышении ценности информации, будь то рыночные аналитики, теоретики или компьютерные программисты. Питер Друкер, известный знаток бизнеса, который изобрел термин обработчик знаний, указывает, что опыт таких работников ограничен рамками узкой специализации и что их продуктивность зависит от того, насколько их усилия, как части организационной команды, скоординированы с работой остальных: теоретики не имеют отношения к издательствам, а компьютерные программисты не занимаются распространением программного обеспечения. Хотя люди всегда работали совместно, отмечает Друкер, при обработке знаний команды, а не отдельный человек, становятся рабочей единицей» [2. С. 253].

Несмотря на то, что в современной этике, конечно, приобретает значение подчинению стандарту и имеет место институционализация морали, не теряют своего значения и неформальные отношения. Они обязательно сопровождают сетевые взаимодействия, ведь сетевое общение предполагает свободное объединение людей, свободный выбор того, с кем ты хочешь общаться, поиск единомышленников, в том числе и единомышленников в решении бизнес задач.

«Неофициальные сети имеют особенно важное значение для решения неожиданно возникающих проблем. Официальная организация создается для того, чтобы легко справляться с ожидаемыми трудностями, — сообщается в отчете об одном исследовании таких сетей. — Но когда возникают непредвиденные проблемы, вступает в дело неофициальная организация. Ее сложная паутина социальных связей формируется при каждом случае общения коллег и с течением времени укрепляется, превращаясь в удивительно прочные сети» [2. С. 257—258].

Без таких прочных сетей трудно представить себе развитие науки, и трудно представить себе развитие бизнеса, ведь несмотря на то, что бизнес-организации стремятся сохранять свое ноу хау, они все-таки заинтересованы в том, чтобы узнавать о новых фундаментальных открытиях науки, о возможностях новых технологий. Современный мир, кстати говоря, страдает от того, что в нем многие стремятся скрывать знания. В первой половине XX в. было сделано больше фундаментальных открытий практической направленности, чем в первой половине XXI-го. Но если что и может противостоять тенденции сокрытия знаний в современном мире, так это именно неформальные связи.

«...Существуют по крайней мере три разновидности сетей коммуникаций — кто с кем разговаривает, экспертные сети, объединяющие тех людей, к которым обращаются за советом, и доверительные сети» [2. С. 258].

Для развития бизнеса, науки, принятия решений в политике принципиальное значение имеют, конечно, экспертные сети. Эксперты — это профессионалы в сво-

ей области, которые постоянно общаются между собой, которые в силу этого владеют уровнем развития современной науки или являются специалистами в конкретных областях экономики, страноведения, этнографии и т.д. Не так уж важно, как они будут выполнять свою работу, за деньги или нет, важно, что такие люди есть. И их не было бы, если бы каждый свой шаг они оценивали только с точки зрения возможности получения прибыли, если бы они никогда не общались со своими коллегами просто так, без задней мысли о какой-то выгоде. В таком случае с ними просто не стали бы общаться и они были бы исключены из неформального сообщества, формирующегося в данной области знаний или других областях культуры. Следовательно, здесь неизбежно присутствует этическое отношение, и это именно отношение, относящиеся к сфере этики добродетелей.

На это, кстати говоря, обращал внимание Ч. Пирс, а потом К.О. Апель. Если науку понимать как отбор правдоподобных гипотез, то надо хотя бы внимательно выслушивать своих оппонентов. А значит, здесь уже присутствует этическое отношение, которое предшествует всякому научному поиску. Апель расширяет взгляды Ч. Пирса и говорит об ответственности перед интеллигенцией, образованных людей перед человечеством, а не только перед научным сообществом. Прежде всего образованный человек оказывается ответственным за само возбуждение дискурса, за разъяснение угроз и привлечение внимания к новым возможностям общественного развития. Когда же дискурс начинается, все оказываются со-ответственными за принятые решения. Такая ответственность не предполагает устранение традиционной индивидуальной ответственности, связанной с исполнением общественных функций, деятельностью общественных институтов. «Скорее предполагается *со-ответственность всех как каждый раз изменяющееся распределение индивидуальной ответственности (i.z.v.) в институциональных рамках*. И даже на уровне дискуссий, *рассуждений о проблемах* люди всегда несут *метаинституциональную* ответственность, что и предполагается в демократии как нечто само собой разумеющееся» [1. С. 51].

В полной мере это можно отнести и к современному бизнесу. Бизнес не может уклониться от решения общественных проблем, так как сам он нуждается в поддержке общества, ведь общество, в том числе способное объединяться благодаря сетевым связям, способно оказывать существенное влияние на бизнес. В качестве классического примера такого воздействия можно привести ставший также классическим пример с попыткой затопления в Северном море нефтяной платформы Бренд Спар. Тогда люди в качестве протеста против этого решения стали прекращать покупать бензин на заправках Шелл. В результате этого бизнес-решение было отменено.

В 70-х г. после решения Р. Рейгана о сокращении социальных программ американские фирмы стали добровольно принимать на себя социальную ответственность, а сейчас программа социальной ответственности крупных корпораций является уже чем-то обязательным, для того, чтобы партнеры по бизнесу относились к тебе серьезно. Это отражено в документе АСО 2000.

Понятно, что подобное понимание долга не может уместиться в программу подчинения некоторым формальным императивам, даже подчинения знаменитому

кантовскому категорическому императиву. Г. Зиммель был одним из первых, кто начал критиковать кантовский императив за простоту и недостаточность следующих из его формулировок решений. Он отмечает, что «...Кант, для которого этический интерес значительно превышает интерес теоретический, ставит перед собой проблемы только самых повседневных и как бы грубых событий нравственной жизни. Все то, что в нравственных данных доступно общим понятиям, он рассматривает с небывалыми величием и остротой. Однако все более глубокие и тонкие вопросы этики, обострение конфликтов, сложность чувств, темные силы в нас, в нравственной оценке которых мы часто столь беспомощны, — все это ему как будто неведомо, — ему, проникавшему в самые глубокие, тонкие и рафинированные функции *мыслительной* деятельности человека. Отсутствие фантазии и примитивность в постановке нравственных проблем, с одной стороны, утонченность и размах полета в теоретических — с другой, доказывают, что в свое философское мышление он вводит только то, что допускает проникновение логическим мышлением» [4. С. 12—13].

В современном мире совсем не случайно проявляется такой интерес к этике добродетелей. Значение возрождения этики добродетелей было показано Энском, Ф. Фут, А. Макинтайром. Это и понятно, там где речь идет о практической активности людей, речь идет о свободно избираемых ими целях, а это и является, согласно Канту, основным признаком этики добродетелей.

Но реализация целей требует социальных умений, в том числе во многих случаях — квалификации, также фиксированной в виде некоторого общественного стандарта.

Стандарт — это не только стандартные правила поведения, не только заложенные в инструкциях и моральных правилах решения возможных ситуаций, в которые человек попадает или может попасть в процессе осуществления его профессиональной деятельности. Стандарт — это также формально определенные требования профессиональной квалификации, требование соответствующей этому стандарту степени личного совершенства. Но путь к самому этому совершенству имеет свои особенности для каждого человека, связан с усилиями его воли, с преодолением всего того, что отвлекает его от соответствующего профессионального развития, и мораль уж никак не может устраниться из этого процесса. В ряде случаев подчинение своего поведения стандарту требует и особой мотивации, направленной на ограничение чрезмерных проявлений собственной индивидуальности, особенно тогда, когда это приводит к самонадеянности, граничит с нарушением должностных инструкций, правил дорожного движения и т.д.

Кант называет две основные цели этики добродетелей, которые сочетаются и со свободным выбором целей и с долгом. Это стремление к собственному совершенству и забота о чужом счастье. И хотя во многих смыслах он остается формальным в решении поставленных им в данной области вопросов, принципиально он прав.

Особенно следует отметить его рассуждения о стремлении субъекта к собственному совершенству.

Совершенство, с точки зрения Канта, является культурой природных задатков, но в то же время — и культурой воли, основанной на нравственном образе мыслей. Следовательно, это: «1. Долг человека собственными усилиями выйти из [состояния] первобытности своей природы, из [состояния] животности (*quoad actum*), и все выше подниматься к человеческому [состоянию], только благодаря которому он и способен ставить цели, восполнять недостаток своего знания и исправлять ошибки... 2. Поднять культуру своей *воли* до самого чистого добродетельного образа мыслей, когда *закон* становится также мотивом его сообразных с долгом поступков, и повиноваться закону из чувства долга...» [7. С. 428].

Добродетель, следовательно, связана с долгом в том смысле, что она требует усилий (воли) и не связана с ним в том смысле, что она — результат свободного выбора цели. Она также предполагает развитие природных задатков, а следовательно и определение своих предрасположенностей, своих способностей. Таким образом, сфера добродетели — это не только сфера действия универсальных императивов.

Но что нужно делать для развития своих природных задатков, могут ли здесь быть предложены какие-то императивы или осмыслены иные, не столь категоричные моральные правила? Кант предлагает для этики добродетелей следующий императив: «Поступай согласно такой максиме *целей*, иметь которую может быть для каждого всеобщим законом (выделено мной). — Согласно этому принципу, человек есть цель, как для самого себя, так и для других, но помимо того, что он не правомочен пользоваться только как средством ни самим собой, ни другими (при этом он, однако не может быть безразличным к ним), сделать человека вообще своей целью есть сам по себе долг» [7. С. 437].

Эта формула, так же как и категорический императив в его первой формулировке, звучит достаточно абстрактно. Вне нет решения вопроса о том, в чем именно заключается дело каждого отдельного человека. В этом смысле решение, которое предлагает Зиммель, кажется нам более подходящим для этики добродетелей. В конце своего краткого эссе под названием «Индивидуальный закон» он пишет: «Все изменчивое и в своем смысле единственное, текучее в жизненной непрерывности без точных граней, не подчиняющееся заранее существующему закону, так же как и абстрактному сублимированию во всеобщий закон, — все это отныне получает над собой должествование, ибо это последнее само есть жизнь и сохраняет ее непрерывную форму» [5. С. 60].

Несмотря на значительный субъективизм, представленный в этом рассуждении, здесь есть и рациональное зерно. Человека побуждает к действию не только абстрактный всеобщий долг, но и его собственный выбор, выбор целей, выбор жизненной программы, что и отвечает этике добродетелей. Это и отвечает индивидуализации моральных действий и нравственных *оценок в этике добродетелей*.

Еще одна проблема, которой можно закончить эту статью — это проблема человеческого достоинства. Для античного общества была несомненной связь добродетелей с человеческим достоинством. Быть добродетельным одновременно означало возможность утверждать свое достоинство. В христианстве, особенно

в протестантизме, сохранилось признание значения разнообразия образа жизни, связанного с различными трудовыми функциями, и признание значения совершенства в своей области деятельности. Но это парадоксальным образом перестало связываться с утверждением человеческого достоинства. Совершенство как раз стало стандартом, обязательным для каждого как долг, как безропотное несение своего креста. Достоинство же у всех оказалось одинаковым. Все оказались равнодостоинными или что по существу то же самое, — равно ничтожными перед лицом всемогущего абсолюта.

Подходит ли это решение для современного общества. Полагаю, что нет.

Только на базе представлений о личном достоинстве может быть обеспечена отвечающая современному производству степень доверия, ведь творческий труд, как уже говорилось, плохо поддается внешнему контролю. Система традиционной морали, еще действующая в некоторых обществах (например, основанная на конфуцианстве трудовая этика в Японии), постепенно теряет свое значение в связи с процессом развития индивидуальности человека, разрушением его связей с локальными сообществами. Противопоставить этому можно только чувство личного достоинства и желание признания на общечеловеческом уровне общения (реального, виртуального или даже — только идеально полагаемого в возможности).

Но для этого нужно по-новому осмыслить проблему солидарности. По большому счету, солидарность — это как способ объединения различных слоев общества в некоторое целое и объединение самих этих слоев с целым. Это не означает, что общество должно быть солидарным в том смысле, что одни должны жить за счет других, что кто-то может рассчитывать на постоянную помощь со стороны общества. Но это означает, что общество должно представлять единый организм, который способен оценивать вклад своих членов в общее благо не только с точки зрения их вознаграждения, но прежде всего именно в плане критериев определения и утверждения их достоинства.

© Разин А.В., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Апель К.О.* Понятие первичной взаимответственности как предпосылка планетарной макроэтики // *Философия без границ*. М.: Издатель Воробьев А.В., 2001.
- [2] *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. М.: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2009.
- [3] *Гусейнов А.А.* Философия, мораль, политика. М.: ИКЦ «Академкнига», 2002.
- [4] *Зиммель Г.* Избранное. Т. 1. М.: Юрист, 1996.
- [5] *Зиммель Г.* Индивидуальный закон. К истолкованию принципа этики // *Зиммель Г. Избранные работы*. Киев: Ника-Центр, 2006.
- [6] *Зомбарт В.* Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 2009.
- [7] *Кант И.* Метафизика нравов // *Собр. соч.* в 8 т. Т. 6. М.: ЧОРО, 1994.
- [8] *Ньюсом Д., Слайк Терк Д.В., Крукеберг Д.* Все о PR. Теория и практика публик рилейшнз. 7-е изд. М.: Консалтинговая группа «ИМИДЖ-Контакт», Издательский Дом «Инфра-М», 2001.
- [9] *Фукуяма Ф.* Доверие. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.

- [10] Koehn D. A Role for Virtue Ethics in the Analysis of Business Practice // *Business Ethics Quarterly*. Vol. 5. Issue 3. ISSN 1052-150X 0533-0539.
- [11] Whetstone J.T. How Virtue Fits Within Business Ethics // *Journal of Business Ethics* 33, 2001. Kluwer Academic Publishers. Printed in the Netherlands. P. 102.

Сведения об авторе:

Разин Александр Владимирович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой этики философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: razin54@mail.ru.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-361-370

BUSINESS ETHICS AS ETHICS OF VIRTUE

A.V. Razin

Moscow State University (Lomonosov University)

Lenin's hills, academic building «Shuvalovsky», 119991, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article shows that the approach associated with the ethics of the virtues, implies the consideration of the qualities that make the activity of a subject possible, speaks of the perfection of an individual from the standpoint of his or her teleological structure, that is speaks about the perfection of a man from the point of view of his destination, perfection in the execution of public functions, unity of goods of the society and the individual. Prospects of application of this approach has been significantly limited as a result of the influence of the Christian tradition in which the actual moral qualities and other abilities of the personality-related skills and dispositions to commit various kinds of social activities were largely separated. At the same time in ancient ethics, in the philosophy of D. Hume, J.S. Mill such a strong separation was not carried out. For applied ethics it is such a broad understanding of virtue has the principle meaning.

Key words: personality, morality, business, virtue, deontology, utilitarianism, codes, laws, emotions, intellect

REFERENCES

- [1] Apel KO. *Ponjatie pervichnoj vzaimootvetstvennosti kak predposylka planetarnoj makrojetiki. Filosofija bez granic*. Moscow, Publisher Vorobyov A.V.; 2001. (In Russ).
- [2] Goleman D. *Jemocional'nyj intellekt*. Moscow: ACT; Vladimir: VKT; 2009. (In Russ).
- [3] Guseynov AA. *Filosofija, moral', politika*. Moscow: IKTS "Akademkniga"; 2002. (In Russ).
- [4] Simmel G. *Izbrannoe*; 1. Moscow: Yurist; 1996. (In Russ).
- [5] Simme G. *Individual'nyj zakon. K istolkovaniju principa jetiki*. In: *Simmel G. the Selected works*. Kiev: Nika-Tsent; 2006. (In Russ).
- [6] Sombart V. *Burzhuja: Jetjudy po istorii duhovnogo razvitija sovremennogo jekonomicheskogo cheloveka*. Moscow; 2009. (In Russ).
- [7] Kant I. *Metafizika нравов*. In: *Sobr. Soch v 8 tomah*; 6. Moscow: CHORO; 1994. (In Russ).
- [8] Newsom D, Slyke Turk J, Kruckeberg D. *Vse o PR Teorija i praktika pablik rilejshnz*. 7th ed. Moscow: Consulting group "IMAGE-Contact" Publishing House "Infra-M"; 2000. (In Russ).
- [9] Fukuyama F. *Doverie*. Moscow: Hranitel; 2006. (In Russ).
- [10] Koehn D. A Role for Virtue Ethics in the Analysis of Business Practice. *Business Ethics Quarterly*. 1995; 5(3): 533—539.
- [11] Whetstone JT. How Virtue Fits Within Business Ethics. *Journal of Business Ethics*. 2001; 33 (2): 101—114. 2001.